

М. И. Вишневецкий,
г. Могилев, Беларусь

О РОЛИ МУДРОГО НАСТАВНИКА В ПОДГОТОВКЕ НАУЧНЫХ КАДРОВ

Лидер научной школы играет ключевую роль в подготовке научных кадров высшей квалификации. Созданная А. А. Столяром научная школа в области математического образования дает яркие примеры недогматического педагогического мышления.

Ключевые слова: научная школа, научный лидер, свобода и необходимость в сфере образования.

Ключевое значение для успешного развития познания и практического воплощения его результатов имеет функционирование эффективных научных школ. В современном обществе существует многоуровневая и весьма детализированная система оценки качества результатов исследовательской деятельности. Важным ее звеном является система аттестации научных кадров высшей квалификации. Осваивать правила, действующие в этой системе, гораздо легче тем, кто включается в поиск новых знаний в рамках

сложившейся и авторитетной научной школы, руководитель которой — это признанный научный лидер. Он может предостеречь учеников от многих ошибок, связанных с определением магистрального направления поиска, общей постановкой задачи диссертационной работы, последующим ее детальным структурированием, выбором методов исследования, а также с должным оформлением получаемых результатов.

Неотъемлемой чертой научной деятельности является высокая критичность по отношению к положениям и выводам, претендующим на содержательную новизну, познавательную и прикладную ценность. Работа в команде, руководимой опытным и авторитетным «мэтром», и, вместе с тем, состоящей из разных, нередко весьма несходных личностей, дает в этом плане незаменимый опыт и навыки. Они связаны, в частности, с овладением правилами корректной и доказательной научной дискуссии, умением понять позиции своих собеседников и критиков, извлечь конструктивные уроки из высказанных ими замечаний и предложений.

Александр Аронович Столяр был не только выдающимся ученым, но и создателем весьма плодотворной и поныне эффективно действующей научной школы в области математического образования. Он был самобытным и весьма колоритным представителем старой интеллигенции, наследовавшей традиции классической культуры. О самых сложных предметах он умел говорить и писать не только содержательно, но и ярко и красиво, действительно увлеченно. Методологический инструментарий марксистско-ленинской философии вовсе не сковывал его педагогический талант.

Сегодня интеллектуальная мода заметно изменилась, и на слуху уже другие понятия и идеи. В духовной жизни западного общества, в которое мы по необходимости интегрированы, прочно вошел и по-хозяйски в ней расположился постмодернизм. Для него характерен отказ от декартовского стиля мышления, которому присуща ясность и четкость формулировок, строгая логичность рассуждений. Изменился и базовый состав философско-мировоззренческих идей. Культ разума сменился повышенным вниманием к бессознательному, к безличным структурам, относительно которых отдельный человек уже не является субъектом, а всего лишь функцией соответствующей дискурсивной практики, индивидуализированным выражением того места, которое он, в силу разных преходящих обстоятельств, занимает на пересечении силовых линий этой дискурсивной формации.

В подобных, весьма новаторских по форме, текстах нет ни единообразия терминологического аппарата, ни особого стремления их создателей быть последовательными, доказательными и просто понятными. Благодаря постмодернизму, в философию широко вошли приемы и устремления современной

литературы, по традиции называемой художественной, которая в значительной части стала отраслью современного бизнеса. В нем, разумеется, особенно важны реклама и самореклама, стремление перекричать своих конкурентов и в конечном итоге протолкнуть свой интеллектуальный товар, претендующий на некую особую новизну на этом перегруженном изделиями рынке.

В сфере образования к подобным нововведениям нужно относиться с особой осторожностью. Конечно, современная жизнь весьма сложна, и в школе приходится готовить учеников к встрече с этой прогрессирующей сложностью. Еще в начале XX в. С. И. Гессен отмечал, что взаимоотношения человеческой личности и культуры общества неоднозначны, даже противоречивы. Для ребенка, получающего образование, культура выступает внешней данностью, которую ему предстоит освоить. По мере усложнения культуры центробежные силы внешних влияний, по словам Гессена, преодолевают центростремительные силы личности, и она как бы «разламывается под бременем человеком не порожденных механизмов» [2, с. 80]. Понятие личности, по убеждению данного автора, в сущности совпадает с понятием свободы. Личность обретается только через работу над сверхличностными задачами, которые побуждают человека к росту, свободному творческому развитию, обеспечивающему восхождение от первоначальной аномии, свойственной маленьким детям, через гетерономию, характеризующую этап школьного образования, к автономии как сущностной особенностью зрелой личности, самостоятельно определяющей свой жизненный путь.

Тема свободы весьма широка и многопланова, и значимость ее для философии и педагогики не вызывает сомнений. Подлинным вызовом для педагогической науки и практики является необходимость совместного использования в ней двух весьма несходных принципов анализа человеческого опыта — принципа свободы и принципа детерминизма [3, с. 141]. Когда авторы современных педагогических концепций делают акцент на субъектно-ориентированные технологии педагогического процесса, они, вне всяких сомнений, подразумевают высокую ценность конструктивной свободной самореализации образующейся личности. Но свобода по существу противоположна внешней детерминации, детали которой, применительно к образованию, раскрываются с использованием, в частности, понятий структуры, системы, технологии.

Педагогика как наука, раскрывающая закономерности образовательной деятельности, имеет одним из основных предназначений проектирование и формирование изменений, происходящих в личности в процессе образования. Подобное проектирование и реализацию намеченного с помощью соответствующих педагогических технологий бывает непросто согласовать с принципом свободы. В свое время И. Берлин много и убедительно

тельно писал о том, что вовсе не обязательно правильные ответы на разные вопросы должны органично согласовываться друг с другом [1]. Неустрашимая противоречивость человеческого бытия, соединяющее стремление к свободе с подчинением диктату необходимости, проникает в самые глубины педагогической теории и практики и побуждает к основательному философско-мировоззренческому осмыслению. Если педагогика — это наука, отвечающая критериям позитивности, то гуманистические и либертарианские вкрапления в нее нужно как-то согласовать с общей ориентацией на установление точных фактов и описывающих их закономерностей. Здесь оказывается особенно востребованной не только исследовательская искусственность, но и житейская мудрость научного руководителя или консультанта, который может дать квалифицированный совет относительно способов соединения в теории тех глубинных противоположностей, которые в жизни тоже действуют совместно, и абстрагироваться от одной из них в пользу другой неверно по сути дела, хотя, может быть, и красиво на словах.

Список использованной литературы

1. Берлин, И. Философия свободы. Европа / И. Берлин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2001. – 448 с.
2. Гессен, С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / С. И. Гессен. – Москва : Школа-Пресс, 1995. – 448 с.
3. Национальная философия в глобальном мире : тезисы Первого белорусского философского конгресса. – Минск : Беларуская навука, 2017. – 765 с.